

М.А. Юсим

ИДЕЯ ИСТОРИИ И ФОРМУЛА Л. ФОН РАНКЕ

Аннотация: Знаменитая фраза Л.фон Ранке «показывать, как собственно было», стала своего рода манифестом профессиональных историков. Что понимал под этим прусский профессор, к чему он стремился, в чем привлекательность этой формулы? Статья посвящена размышлениям о ее неоднозначности и сложном соотношении общего и частного, теоретического и конкретного в исторической науке.

Ключевые слова: субъективность историка, Л. фон Ранке, «как оно собственно было», Б.Кроче, информация, формулы.

Об авторе: Марк Аркадьевич Юсим – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН. 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32-а, youssimm@mail.ru

Все историки знают и любят цитировать знаменитую фразу Леопольда фон Ранке о том, что задача истории – показывать «как собственно было». Разумеется, правильнее отталкиваться от оригинального текста, в переводе он всегда так или иначе искажается. «Wie es eigentlich gewesen». Есть разные варианты цитирования этих четырех слов на русском языке: «Как оно было», «Как (оно) собственно, происходило», «Как именно было», «Как было на самом деле» и др. Такая знаменательная множественность уже символизирует проблему гуманитарного знания.

Эта формула привлекает своей краткостью и емкостью, а также своей, на первый взгляд, очевидной убедительностью. Однако при всей краткости и простоте она оставляет простор для разнообразных толкований, но главное, как будто бы раскрывая загадочный смысл занятий историей, она не отвечает до конца на вопрос «зачем», а скорее побуждает к дальнейшему размышлению над ним.

Как заметил во время одного из обсуждений мой коллега

(А.Д.Щеглов), Ранке, судя по полной цитате¹, как будто бы не собирался давать определения истории, напротив, он говорит о скромности своей личной цели: не судить или извлекать уроки, а только показывать. «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа /«попытка»/ не претендует. Её задача — лишь показать, как все происходило на самом деле (wie es eigentlich gewesen)» (Из введения к «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 г.», 1824)². Это как бы предварительное условие для достижения указанных более высоких целей. Но здесь можно усмотреть и некоторую полемичность, из которой другие сделали своего рода манифест, выражающий ту самую «идею истории».

Ранке со скромным видом формулирует этот внешне скромный же и на первый взгляд позитивистский тезис: только установить, как было. (Но в действительности Ранке придавал очень серьезное значение своей первой работе и сформулированным в ней принципам, о чем свидетельствуют обстоятельства ее создания: «Поворот в профессиональной судьбе обозначился осенью 1824 г., когда Ранке опубликовал свой первый

¹ “Man hat der Historie das Amt, die Vergangenheit zu richten, die Mitwelt zum Nutzen zukünftiger Jahre zu belehren, beigemessen: so hoher Aemter unterwindet sich gegenwaertiger Versuch nicht: er will bloss zeigen, wie es eigentlich gewesen” [6, VII]. Это уточнение обстоятельств появления цитаты вполне соответствует самой формуле Ранке – как именно было. Уточнение позволяет изменить и выводы. Более буквальный перевод, сохраняющий основные значения употребленных слов: «Истории приписали обязанность судить прошлое, поучать современников на пользу грядущим годам; столь высокие обязанности настоящий опыт на себя не возлагает; он только покажет, как /оно/ собственно было».

² Этот перевод на русский язык, встречающийся на страницах Интернета, взят из книги [3 с. 16-17]. Видимо, и цитата переведена с английского, так как в сноске приведена ссылка на английское издание Ранке и на английский перевод этой цитаты в книге Дж.Гуча.

научный труд – первый из двух томов «Истории романских и германских народов с 1494 по 1535 гг.» с приложением «К критике современного историописания». Уже в этой работе были представлены и реализованные базовые принципы, отличавшие Ранке-историка. Его всего больше интересовала индивидуальность каждого исторического деятеля, получающего под его пером вполне конкретный образ. *Primum agens* истории – личность. Именно здесь он сформулировал фразу, которая стала фундаментом его исследовательского метода и лозунгом профессиональной самореализации многих поколений немецких историков – «писать, как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*), не становясь судьей прошлого и не поучая современников. Он работал над книгой с весны 1820 г., а ее публикация равносильна была ответу на гамлетовское «быть или не быть». Все было рассчитано точно. Брат Фердинанд, который помог с изданием, использовал свои связи в прусском министерстве культуры. Нужные чиновники получили по экземпляру монографии с сопроводительными письмами, в которых автор характеризовался с наилучшей стороны. Результат превзошел все ожидания. В Ранке обнаружился научный талант, который заслуживал безусловной поддержки. Особенно внушало доверие его стремление избегать какой-либо явной политической тенденциозности» [1 с. 38].

Итак, установить, как было. Как будто бы это возможно, даже если сделать оговорку «собственно». Что, собственно, означает это слово, «собственно»? Наверное, детали, точность подробностей, истина, в которой гнездится дьявол или кто-то еще. Потому что, как знают все историки, чем больше деталей, тем меньше совпадений с общими представлениями о том, что было.

Поэтому размышление над тезисом Ранке ведет к постановке еще двух вопросов: как соотносится изучение и использование общего и частного в работе историка, и чем объясняется сосредоточенность исторической науки на «там и тогда», или «где и когда»; откуда вытекает самостоятельная ценность такого

рода исследований.

Наверное, история как наука, наряду со всеми прочими науками отвечает на вопрос «как бывает», то есть выводит или хотя бы дает материал для обобщений, помогает вычленять общие правила и законы, которые в природе и в жизни воплощены в конкретных вещах, осуществляются через их индивидуальное бытие. (В этом смысле все науки более или менее историчны). Но если бы задача истории ограничивалась только этим, формула Ранке не имела бы смысла, потому что для общих выводов подробности не столь важны.

Ранке, как всякий выдающийся ученый, делал важные и ценные общие наблюдения, выливавшиеся в любопытные афоризмы. Он не был чистым позитивистом, хотя иногда его так называют с теми или иными оговорками. «Именно Ранке в духе позитивизма определил задачи исторического исследования – показать, «как, собственно, все происходило». (Исторический сайт для школьников <http://istoriya-xz.ru/raznoe/908-pozitivizm.html>. Ср. [2 с. 76]: «Представители школы Ранке сделали историзм, а затем и позитивизм основополагающими принципами исследований, минимизировав «издержки» романтизма (мистицизм, сентиментализм, художественную риторику»)).

Труды самого Ранке, как и творчество любого выдающегося ученого, не встраиваются полностью в ряд позитивистских исторических работ. Сочинения Ранке не были ни механистическими, ни сугубо фактологическими. Скорее идеи, подходы, мысли и в целом наследие Ранке можно рассматривать как высшее достижение времени, проникнутого «позитивным» духом.

Но допустим, что его фраза об истории, в которой он с нарочитой скромностью формулирует свою задачу, совершенно искренняя. Это может означать скорее всего одно: как всегда бывает с людьми, намерения не полностью совпадают с результатом; «шел в комнату, попал в другую». Ранке в своей исторической работе как будто бы хотел уточнить детали известных событий, оставив в сторону приговоры и поучения или наме-

Код поля изменен

ренно отказавшись от них. Он говорит об этих «высоких задачах» почти с иронией. Получилась формула современной исторической науки.

Проблематичность формулы Ранке заключается в том, что она утверждает задачу исторического исследования как поиск подробностей; она открывается местоименным наречием «как», а не «что», «где» «почему» и т.д., хотя и такого рода вопросы задаются историками. Как, собственно, было - никак, ведь ответ - это процесс, который никогда не кончается. Возможно, слово «как» вбирает в себя в большей или меньшей степени эти прочие значения, поскольку описание того, как происходило то или иное событие, как разворачивался какой-то процесс, включает в себя и ответы на вопросы «когда», «где», вероятно и «что именно» и другие. Но для чего нужно знать подробности о том «как было», ведь что было, то прошло, и для настоящего или будущего могут быть важны именно общие выводы, правила, которые можно извлечь из уже случившегося, а не детали, не конкретное описание происшедшего? А Ранке в своей формуле как будто бы ставит именно подробности во главу угла, еще и подчеркивая – нужно узнавать, «как *собственно* было», то есть не просто что, где и когда, а в индивидуальных, наверное, даже неповторимых чертах прежних деяний. Это, безусловно, важнейшая черта истории как науки и человеческой практики общения с прошлым, использования прошлого, лучше еще сказать, сосуществования с прошлым и в прошлом, которое является частью будущего и настоящего. Индивид неизбежно живет и в прошлом, и в этой заданности и необходимости кроется, по видимому, один из ответов на вопрос или на загадку, подразумеваемые формулой Ранке: зачем так тщательно и без конца копаться в прошлом? Ведь здесь есть и некоторый полемический запал – нужно установить, как «*собственно*» было, а не вывести какое-то общее правило или свести рассматриваемый случай к уже известной категории ему подобных, вывести или подтвердить некий общий закон.

Коварство формулы Ранке заключается в том, что у нее нет окончательной разгадки. «Нормальный» человек или «нормальный историк» скажет: зачем над этим задумываться, раньше особо не думали, а писали историю. Есть две точки зрения: 1) все нормальные люди (а особенно историки) понимают, что значит «как было»;

2) фраза «как, собственно, было» побуждает к обсуждению. Сам Ранке, вероятно, был склонен ко второму: «Подлинное убеждение начинается с сомнения» (“Eine rechte Überzeugung aber fängt mit dem Zweifel an.“ [7]).

Коварство формулы Ранке вытекает из факта, что простое повторение, воспроизведение, как бы удвоение прожитого и проживаемого бытия бессмысленно. Ведь движение во времени и состоит в том, чтобы настоящее становилось небытием, т.е. теряло («онтологическую», так сказать) ценность, а будущее сохраняло ценность как пространство возможного и еще несбывшегося, в котором неизбежно и неприятное. Простое воспроизведение нелепо, а отфильтрованное уже неполноценно, оно предполагает оценку и отбор.

Можно было бы рассуждать здесь на общегуманитарные темы, почему гуманитарное знание, как и литература и искусство, являются общественно-полезными. Искусство украшает жизнь (отнодь ничего в мире не спасая), оно утилитарно, оно отчасти материально (изобразительное), поэтому антикварные артефакты так дороги. В них проявляется виртуальная составляющая стоимости, ее условная часть. В стаде обезьян картины Рафаэля будут мало цениться, как поблекшие иконы в каком-нибудь монастыре в XVIII веке. Словесность не есть хлеб насущный, но на эту тему уже сказано в Библии. Гуманитарное знание – это роскошь, которую может себе позволить высоко-развитое, богатое общество. Занятия философией, историей, искусством, фундаментальной наукой - высшая сфера деятельности, удел избранных («нас мало избранных, счастливых праздно, пренебрегающих презренной пользой, /единого прекрасного жрецов/»). Но чем окормляет эта духовная пища? Какова ее

кухня? Не бессмысленны ли эти занятия в конце концов? Для чего знать истину? Не лучше ли обойтись без нее, хотя бы применительно к уже сбывшемуся прошлому? (Ранке, дай ответ! Не дает ответа. Он не говорит, зачем. Он не спрашивает, как Шекспир, что он Гекубе, что ему Гекуба. Кстати, это еще одна формула истории, но уже в виде почти прямого вопроса, «зачем?»). Ответ Ранке – в первой части фразы, о том, на что он НЕ претендует.

Фраза Ранке поверхностна или как минимум неоднозначна. Потому что невозможно «показывать» как было, не пытаясь установить смысл событий, целей участников и результатов. В конечном итоге, не имея определенных представлений о человеке, обществе и мире. Безусловно, эти представления меняются в ходе исследования, но они его определяют. Чтобы кому-то что-то показать, нужно чтобы этот кто-то имел органы и инструменты зрения, такие же, как тот, кто показывает.

Для сравнения в книге Дж. Тоша: «Истолкование смысла занимает центральное место в работе историка. Без него первоисточники не «заговoryт», и мы никогда не приблизимся к пониманию прошлого. Классический историзм был построен на убеждении, что, сочетая технические методы с интуицией, исследователь может раскрыть смысл исторических текстов и тем самым построить мост через реку времени. Начинаящие историки тратили много лет на совершенствование своих навыков в этой области, прежде чем обратиться к крупным проблемам, связанным с объяснением исторического процесса, а знание текстов оставалось признаком настоящего ученого. Сегодня смысловые изыскания считаются, пожалуй, еще более сложным делом, но центр их тяжести сместился. Для Ранке и его последователей интерпретация смысла была средством к достижению определенной цели – реконструкции деятельности людей и судеб наций; при этом центральное место отводилось источникам, из которых черпались достоверные детали для создания связного рассказа. Нынешние ученые в большей степени исследуют смысл как таковой, считая, что вопрос о том, как люди воспри-

нимали окружающий их мир и в каком виде они представляли свой опыт, вызывает интерес сам по себе. А это значит, что они разрабатывают и другой аспект концепции Ранке. Если он рассматривал смысл текста как сферу деятельности индивида (чей биографии и взглядам соответственно отводилось центральное место в исследовании), то современные историки особенно ценят коллективное восприятие». [3 с. 241].

Для всех историков понятно, что их труд заключается в поиске, публикации, изучении источников – источников, источников, и еще раз источников. Но источники нужно осмысливать, что может быть уже и не есть историческое исследование в чистом виде. Истинный смысл событий выстраивается на основании анализа мыслей и поступков деятелей – чем сам Ранке, как все историки-классики от Геродота и Гвиччардини до наших дней и занимались.

Подход к извлечению смысла из истории может быть совершенно разным. Часть историков находит смысл в исследовании глубинных структур, определяющих движение общественной жизни, неких универсалий³, - таков марксистский подход, сложившийся двумя десятилетиями позже ранкеанского. Марксизм не отрицает важности конкретно-исторического исследования, но во главу угла ставит изучение типовых базисных отношений. В XX в. антиподом Ранке, как я полагаю, является

³ Ср. [3 с. 191]: «Требование Ранке изучать прошлое, «чтобы показать, как все происходило на самом деле», было прежде всего направлено против широкомасштабных эволюционных схем историков Просвещения и последователей Гегеля. Его нарративный стиль плохо сочетался с отвлеченным анализом и обобщениями, но хорошо подходил для передачи специфики конкретного события. Классическое понимание историзма противоречит как всеобъемлющим теориям о социальной структуре общества, так и теориям социальных перемен, а стремление рассматривать каждую эпоху как отдельное целое трудно совместить с любым взглядом на историю как на поступательное движение к желаемой цели».

Ф.Бродель, который декларирует вторичность любых событий, называя повседневные факты пылью. Он отвергает политическую историю, а именно она была главным объектом истории Ранке и до Ранке. Но Бродель схож с Ранке, рисуя свои большие картины, и здесь он выступает как историк. Только он говорит не об уточнении деталей, а о наличии глубинных структур, долговременных факторов.

Несколько иной подход к поискам смысла истории продемонстрировал Бенедетто Кроче, не будучи поклонником ни универсальных теорий, ни «чистой истории», совершенно беспристрастной и избегающей актуальности.

Именно отсюда вытекает поучительная и блестящая критика Б. Кроче в адрес Леопольда фон Ранке: «Весьма знаменитым «чистым историком» и главой соответственно именуемой школы был Леопольд Ранке, который, по-видимому, воплотил собой целостную и высокую идею историописания» (“Celebratissimo «storico puro» e saroscuola di siffatto indirizzo fu Leopoldo Ranke, che parve incarnare in sè l' idea alta e intera della storiografia” [5 p. 412-413]). Беспристрастность и «чистое историописание» отличаются друг от друга, по мнению Кроче, так же, как «целомудрие от импотенции». При этом Кроче вполне в духе Ранке ведет актуальные в его дни, да и поныне, рассуждения о беспристрастности историка: «Писака старых времен, прихвостень властей предержавших, всегда был готов неустанно отчитывать и осуждать исторических персонажей, облачаясь в тогу сурового и неподкупного ученого историка. Но он делал исключение для тех личностей, у которых были покровители в лице сегодняшних власть имущих, заботящихся об их репутации ради защиты своей собственной; тогда он сразу менял тон. Нужно помешать появлению этого старого типа историографа, столь приспособленного к временам раболепства, в наши дни - чтобы они не становились таковыми; однако вожделенное возрождение карательного историописания предвещает или, несомненно, способствует его возвращению на сцену». (Il letteratuccio dei vecchi tempi, adulatore dei potenti del giorno, era sempre pronto ed instancabile a sermoneggiare e condannare i personaggi della storia, avvolgendosi

nella dignità di storico togato, austero e incorruttibile; tranne il caso che quei personaggi non trovassero nel presente altri potenti che ne prendevano a cuore la reputazione a tutela della loro propria, poiché allora colui prontamente cambiava registro. Bisogna impedire che questo vecchio tipo di storiografo, così adatto ai tempi servili, ricompaia nei nostri tempi, desiderabilmente non servili; ma la sospirata restaurazione della storiografia tribunizia preannuncia, o certamente favorisce la sua riapparizione. [5 p. 37]).

Погрязая в частности и упуская главное, говорит Кроче, Ранке лишает картину жизненной целостности – когда он воссоздает историю Церкви, «он как будто бы имеет дело с трупом, который нужно бальзамировать средствами искусства» [4 p. 412, 420]. Это история без «исторической проблемы»; как сказал Гейне, Ранке – «добрая и очень нежная душа, одаренная талантом вырезать исторические фигурки и наклеивать их в живописном порядке одну подле другой». В общем: «Чистый» историк, - преимущественно это некий профессор, конечно, отдает предпочтение упорной исследовательской работе в архивах и библиотеках, не жалеет никаких трудов, потраченных на достижение самой выверенной филологической точности, иногда прилагает старания для хорошего литературного изложения полученных результатов. Но он по возможности избегает тяжелых и мучительных усилий, благодаря которым мысль обретает свое понимание мира, или собственную философию, и других усилий, также исполненных ответственности и ведущих к практическим решениям, втягивающим в опасную борьбу» [4 p. 423]. Впрочем, свою критику Кроче относит к образу мысли Ранке, а не к его трудам, «основанным на добросовестном исследовании документов и избыточным разумными замечаниями» [4 p. 424].

Различные оценки творчества Ранке и намерения, которыми он руководствовался, создавая свои труды, наверное, что-то объясняют в рассматриваемой нами формуле, но, как было сказано в самом начале, она давно живет самостоятельной жизнью и может истолковываться независимо от этих намерений. Такая постановка вопроса возвращает нас к сути дела, подчер-

квиваемой в самой формуле «как собственно было»: для чего нужна и чему служит история, в частности, что именно знание обстоятельств и подробностей процессов прибавляет к пониманию результатов? Как, например, в литературоведении, можно ли понять произведение вне контекста его создания и что прибавляет к стихотворению знание того, что «поэт мужчина, даже с бородою»? Ответ неоднозначный.

Если углубиться в философию, то есть в рассмотрение общих понятий, можно разграничить два вида истин: во-первых, это истины о том, «что, где и когда», которые сегодня называются «информацией» и которую история, несомненно, несет людям, но ретроспективно, поскольку информация в собственном смысле нацелена на будущее.

Второй вид истин не сводится к фиксированию или регистрации состояний объектов, он начинается с обобщений, установления связей, систематизации (как теперь говорят, структурирования), поисков смысла (не только значения, но и целей и ценностных отношений). Другими словами, это размышление, сопоставление вариантов, учет противоречивости явлений и т.п.

В сфере «информации» истинно то, что правильно показывают датчики – если в них нет сбоев. Да-да, нет-нет. Конечно, чем больше информации, тем полнее картина.

Но «философская» истина рождается не из «информации», а из картины мира и отношения к нему, из способности мыслить, т.е. устанавливать связи и выбирать цели. Когда Ранке говорит о том, что историк должен устанавливать «как было», он, вероятно, не имеет в виду добывание «информации», или не только это, это было бы слишком плоско, эта второстепенная задача истории и так всем очевидна. Информация применительно к времени говорит о текущем; о будущем у нас информации нет, только знание о том, «как примерно будет» - постольку, поскольку общее существует и длится. «Лошади едят овес» - это информация, но вместе с тем не совсем, так как это общее и базальное наблюдение, оно информационно для того, кто этого не знает. Конкретные интересующие нас лошади могли или могут

в будущем есть не овес, а что-то другое, у овса есть разновидности и т.д.

«Информация» о прошлом, это не совсем информация, ведь прошлое уже сбылось, а информация, как гласит одно из определений, это уменьшение неопределенности, но в прошлом неопределенности уже нет, есть только наше неполное знание (память) о нем.

Преимущество истории перед футурологией и прогнозированием в том, что в ней изучаются вероятности уже сбывшиеся, стопроцентно реализованные. Поэтому в ней и возможна научная истина. Посчитать прошлое можно, посчитать будущее нельзя, хотя мы, занимаясь историей, воображаем прошлое как еще не сбывшееся, а глядя в будущее, предполагаем его реальность. Что касается социальных теорий, которые черпают свою пищу из истории, то факты служат для них не только иллюстрацией и не только уточняют частные подробности, но и определяют состоятельность теорий, меняя общую картину. Ранке говорит о важности знать, как «собственно» было, то есть подчеркивает самоценность всей конкретики, из которой рождается общий взгляд. Ведь общего без частного не существует, и именно в сфере истории, где субъекты осознают свою неповторимость (ценность индивидуального бытия).

К сожалению, в точности установить «как было» историки не могут, потому что им всегда (как раз исходя из общего, из картины мира, из своей субъективности) приходится домысливать, «как должно было (и могло) быть» – это невозможно без участия воображения.

Несколько выводов в форме тезисов:

1. Так как содержание истории заключается в изменяющемся стечении обстоятельств, его изучение составляет, воз-

можно, главную задачу исторической науки; оно позволяет понять, в частности, о чем думали современники и что их заботило.

2. Установление истины на все сто процентов невозможно, как и при любом судебном расследовании, поскольку факты всегда можно толковать по-разному.

3. История может быть рисованием больших (чем занимался, например, Ф. Бродель) и малых (так можно характеризовать «микроисторию») картин, которые можно без конца уточнять, и это вписывается в формулу Ранке. Таков экстенсивный путь исследования, вполне соответствующий занятиям историей: дополнение все новыми фактами. Но факты изменяют и уточняют теории, так же как и теории влияют на понимание фактов.

4. Ни один факт не позволяет утверждать, что следующий (соседний) встраивается в этот же ряд и подтверждает предыдущий, они всегда непохожи в своей конкретности и многосторонности.

5. Изучение того «как собственно было» – это уточнение до бесконечности, т.е. поиск истины здесь и сейчас, в рамках данной «историографии». Это своего рода слепок со слепка, остающийся в вечности, но преходящий. Вечное многолико. Есть ли в подобных утверждениях о поиске истины «агностицизм»? Если важно «что, где и когда», то такого рода абсолютную истину установить нельзя. Ранке говорит «как» - это процесс бесконечного уточнения, в ходе которого появляются не столько новые источники, сколько новые вопросы и новые способы их решать.

6. Ценность формул в том, что они не окончательны, они поддаются разному толкованию, как и события и факты. Для историка один из путей к обобщению и философии – именно такие афоризмы, которые являются разновидностью исторического синтеза.

Литература

1. Баранов Н. Н. 2008: Леопольд фон Ранке: историк и его метод / Россия и мир: Панорама исторического развития. Сборник

научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. / Д.А. Редин (ответственный редактор). Екатеринбург, 36-41.

2. *Савельева И., Полетаев А.* 2007: Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. Вып. 18, 69 – 96.
3. *Толл Дж.* 2000: Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Перевод с английского: Коробочкин М.Л., ред. Русев В.А. М. (Первое англ. изд. 1990).
4. *Croce B.* 1937: La storiografia senza problema storico // La Critica. Rivista di Letteratura, Storia e Filosofia diretta da B. Croce, 35, 412 – 433.
5. *Croce B.* 1943: La storia come pensiero e come azione. Bari.
6. *Ranke L. von.* 1885: Geschichten der romanischen und germanischen Voelker von 1494 bis 1514. 3 Auflage. Leipzig.
7. *Ranke L. von.* 1833 – 1836: Ueber die Memoiren des Cardinal Richelieu. // Historisch-politische Zeitschrift, herausgegeben von Leopold Ranke. 2. Band. Berlin, 637 – 666. Электронный вариант: <https://books.google.de/books?id=6bwcAAAIAAJ&hl=ru>